

*Л. Л. Карпова***РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА
В ДИАЛЕКТАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются вопросы функционирования временных форм глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка, недостаточно освещенных в научной литературе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения категории времени глагола в структурно-территориальных разновидностях удмуртского диалектного языка. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов. Особое внимание уделено специфическим чертам, характерным для севернудмуртских диалектов, с одной стороны, и/или имеющим ограниченное распространение в отдельных микросистемах исследуемых диалектов, с другой. Проводится последовательное сравнение языковых фактов северных диалектов с аналогичными явлениями других удмуртских говоров. Констатируется, что в указанных диалектах временные формы глагола содержательно и структурно во многом совпадают с системой удмуртского литературного языка. Отмечаются диалектные особенности в образовании, парадигмах спряжения, в дистрибуции и семантике употребления отдельных временных форм. Различительные признаки морфологического характера наблюдаются в плане выражения отдельных форм настоящего времени, что обусловлено действующими в северных диалектах фонетическими законами. Определенные междиалектные различия выявляются в формах словоизменения (в частности, варьирующая в северных диалектах парадигма модального перфекта в положительном аспекте). Освещаются количественный состав и особенности образования аналитических форм прошедшего времени в исследуемых диалектах. Основное внимание уделено наиболее распространенным аналитическим формам прошедшего времени. Отмечаются структурные и семантические особенности функционирования рассматриваемых форм в северных диалектах; выявлены диалектные различия в постановке ударения в глагольных формах с суффиксами *-мЫ*, *-дЫ*, *-зЫ*.

Ключевые слова: удмуртский язык; северные диалекты; грамматическая система; диалектная морфология; глагол; категория времени; формобразование; словоизменение; форманты; семантика; диалектное варьирование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213

Глагол, имеющий целую серию грамматических категорий, является одной из многоаспектных частей речи в удмуртском языке. Морфологические и синтаксические свойства глагола пермских языков, наряду с другими грамматическими проблемами, изучаются в работах многих исследователей, в частности: Б. А. Серебренникова [Серебренников 1959, 93–102; 1960; 1963, 231–346], А. Кюннапа [Künnap 1992, 173–179], К. Е. Майтинской [Майтинская 1979, 10–79], Е. А. Цыпанова [2005; Cypanov 2001, 321–324 и др.]), Р. Бартенс [Bartens 2000], Ш. Чуча [Csúcs 2005, 252–287]. Подробное синхронное описание глагольной системы удмуртского литературного языка отражено также в различных грамматиках [ГСУЯ 1962, 188–293; Ушаков 1982, 92–111; Каракулова, Каракулов 2001]. Несмотря на наличие серьезных разработок по глаголу пермских языков, в научной литературе не получило пока должного освещения многообразие различий данного лексико-грамматического класса слов в удмуртском диалектном континууме: остается целый ряд вопросов, касающихся функционирования глаголов, а также особенностей проявления их морфологических и синтаксических свойств в различных микро- и макросистемах удмуртского диалектного языка.

В работе анализируются временные формы глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка, выявляется специфика в их формообразовании, парадигме словоизменения и функциональной дистрибуции. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора, собранные в 1998–2017 гг. в районах проживания северных удмуртов. Особое внимание уделяется различительным явлениям, свойственным в основном севернудмуртским диалектам, с одной стороны, и/или имеющим ограниченное распространение в отдельных микросистемах исследуемых диалектов, с другой. В северном наречии выделяются 3 группы говоров (или 3 диалекта): верхнечепецкие, среднечепецкие и нижнечепецкие. Из них наиболее изучен среднечепецкий диалект, своеобразие которого освещено в трех монографиях автора [Карпова 1997; 2005; 2013]. Верхнечепецкий и нижнечепецкий диалекты описаны фрагментарно: в работах раскрываются пре-

имущественно частные вопросы отдельных диалектных микросистем. Наиболее характерные языковые особенности рассматриваемых диалектов имеют много общего, что позволяет объединять их в единую северноудмуртскую группу.

В морфологии глагола северноудмуртских диалектов определяются те же грамматические категории, что и в системе литературного языка; отличия наблюдаются в основном в большей вариантности формообразования. Как отмечает И. В. Тараканов, «ключевые грамматические категории его (глагола – Л. К.): категория времени, наклонения, вида, залога, лица и числа – в основе своей сложились еще в эпоху общепермской языковой общности, о чем свидетельствуют общность и однотипность указанных грамматических категорий в удмуртском и коми языках» [Тараканов 2013, 3].

Грамматическая категория времени как неотъемлемый признак глагола пронизывает всю систему этой части речи. По своей природе у данной категории в территориальных вариантах удмуртского диалектного языка формы проявления различны. Анализ собранного материала позволил выявить в системе глагольной категории времени в диалектах северноудмуртского языкового ареала определенные тенденции. Охарактеризуем их.

В северных диалектах, как и в удмуртском языке в целом, категория времени представлена тремя группами: настоящее, будущее и система прошедших времен.

1. Настоящее время

В диалектах северного ареала формы настоящего времени 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа образуются с помощью суффикса *-с'к-* (*-ск-*): сев. *мон ужа-с'к-о* ‘я работаю’, сев. *тон тот-ск-о-д* (< *тоды-с'к-о-д*) ‘ты знаешь’. Показатели 3-го лица у глаголов I спряжения – суффиксы *-э/-е* (ед. число), *-о* (мн. лицо), у глаголов II спряжения – $\emptyset$ (ед. число), *-ло* (мн. число): сев. *со мын-э* ‘он идет’, сев. *соос мын-о* ‘они идут’, сев. *со взра* ‘он говорит’, сев. *соос взра-ло* ‘они говорят’.

Спряжение глаголов настоящего времени в диалектах исследуемого ареала в основном совпадает с формами литературного языка, за некоторым исключением глаголов I спряжения. Приведем парадигму спряжения глаголов настоящего времени в утвердительной и отрицательной формах на примере глагола *потыны* (I спряжение) ‘выйти, выходить’ (табл. 1, 2).

Таблица 1

Утвердительный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>потыс'ко</i> (<i>потис'ко</i>)	<i>потыс'ко</i> , <i>потис'ко</i> (<i>потко</i> , <i>потско</i>)	<i>потыс'ко</i>	<i>потыс'ко-м(ы)</i> (<i>потис'ко-мы</i>)	<i>потыс'ко-м(ы)</i> (<i>потко-мы</i> , <i>потско-мы</i> , <i>потис'комы</i> (<i>потис'комы</i>))	<i>потыс'ко-м(ы)</i>
2 л.	<i>потыс'код</i> (<i>потис'код</i>)	<i>потыс'код</i> (<i>поткод</i> , <i>потскод</i>), <i>потис'код</i>	<i>потыс'код</i>	<i>потыс'ко-ды</i> (<i>потис'ко-ды</i>)	<i>потыс'ко-ды</i> (<i>потко-ды</i> , <i>потско-ды</i> , <i>потыс'коды</i> (<i>поткоды</i> , <i>потскоды</i>))	<i>потыс'ко-ды</i>
3 л.	<i>потэ</i>	<i>потэ</i>	<i>потэ</i>	<i>пото</i>	<i>пото</i>	<i>пото</i>

Как показывает парадигма спряжения, в выражении презенса северноудмуртские диалекты больших различий не обнаруживают. Некоторая особенность фонетического характера проявляется в том, что в рассматриваемых диалектах глаголы I спряжения в 1-м и во 2-м лице ед. и мн. числа преимущественно выступают с суффиксом *-ыс'к-* (реже встречается *-ис'к-*): сч. нч. *кылыс'ко* (*кылис'ко*), вч. *кылыс'ко* ‘слышу’; сч. нч. *тодыс'ко* (*тодис'ко*), вч. *тодис'ко* ‘знаю’. Архаичен в данном случае суффикс *-ыс'к-*, хотя, по замечанию В. К. Кельмакова, «суффиксом настоящего времени, как и в глаголах II спряжения, является только *-с'к-*; элемент *-ы-* – конечный гласный основы, впоследствии по закону переразложения перешедший в состав суффикса» [Кельмаков 1998, 149–150].

Отрицательный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	ук по·тыс'кы (ук по·тис'кы)	ук по·тыс'кы, ук по·тис'кы (ук по·ткы, ук по·тскы)	ук по·тыс'кы	ум по·тыс'кэ (ум по·тис'кэ)	ум по·тыс'кэ, ум по·тис'кэ (ум по·ткэ, ум по·тскэ)	ум по·тыс'кэ
2 л.	ут по·тыс'кы (ут по·тис'кы)	ут по·тыс'кы, ут по·тис'кы (ут по·ткы, ут по·тскы)	ут по·тыс'кы	ут по·тыс'кэ (ут по·тис'кэ)	ут по·тыс'кэ, ут по·тис'кэ (ут по·ткэ, ут по·тскэ)	ут по·тыс'кэ
3 л.	ук по·т(ы)	ук по·ты	ук по·т(ы)	ук по·то	ук по·то	ук по·то

Своеобразие глаголов настоящего времени в диалектах северного языкового ареала состоит также в том, что гласный *-ы-* основы инфинитива глаголов I спряжения в 1-м и во 2-м лице ед. и мн. числа может выпадать, если при этом не возникает труднопроизносимое сочетание согласных. При выпадении *ы* согласный *с* суффикса *-с'к-* теряет свою палатальность, в результате чего показатель презенса преобразуется в *-ск-*: сч. вч. *йаратско* (< *йаратис'ко* < *йаратыс'ко*) 'люблю'; сч. нч. вч. *йаратскод* (< *йаратис'код* < *йаратыс'код*) 'любишь'; сч. нч. *тотско·м(ы)*, вч. *тотском(ы)* (< *тодис'ком(ы)* < *тодыс'ком(ы)*) 'знаем'; сч. нч. вч.: кез. *тотско·ды*, вч.: деб. зур. *тотскоды* (< *тодис'коды* < *тодыс'коды*) 'знаете'. Примеры: сч.: гл. *тотско·д-а, кыз' вэтлим одик пол шудон'н'э?* Пышк. 'Знаешь, как однажды мы сходили на игрище?'; вч.: зур. *мон но йаратско пöртэм сортйэм с'ас'каосты будэтны*. Тыш. 'И я люблю разного сорта цветы выращивать'; нч.: кос. *биз'ины мон уг мэ·тскы вал, айи косиз. биз'и, ч у г айэ*. Сиб. 'Выходить замуж я не собиралась, отец заставил. Вышла замуж в Чугай'.

В ареале распространения кезского говора верхнечепецкого диалекта суффикс настоящего времени *-ск-*, подвергаясь дальнейшему упрощению, нередко обретает форму *-к-*: *мынко* (< *мынско* < *мынис'ко*) 'иду', *тоткод* (< *тотскод* < *тодис'код*) 'знаешь', *көлко·ды* (< *көлис'ко·ды*) 'вы спите'. Примеры: вч.: кез. *кэма мон көлко чүкна, фэрмын раз ужас'ко бэрэ*. Тор. 'Долго я сплю утром, поскольку на ферме работаю'; вч.: кез. *ми да·л'шэ мынком но уз'ыгумычырсэз шөмйаны карис'ким*. Юр. 'Мы дальше идем и дудник решили попробовать на вкус'. Функционирование усеченной формы суффикса презенса 1-го и 2-го лица в виде *-к* – это одна из характерных черт срединных говоров [Загуляева 1978, 60; Тараканов 1998, 130–131; Кельмаков 1998, 149]. Считаем возможным, что в кезкий говор стяженный вариант суффикса настоящего времени *-к-* занесен миграционной волной удмуртов с территории центральной Удмуртии, частично участвовавших в заселении данного ареала [Атаманов 2005, 47; Атаманов-Эграпи 2010, 193–194]. Остальные формы словоизменения глаголов настоящего времени в основном совпадают с литературными формами.

Отметим, что в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта в глагольных формах с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* ударение наблюдается преимущественно на предыдущем суффиксам слоге. В отличие от этого, в ареале распространения дебесского и зуринского говоров верхнечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских говоров, ударение в данном случае локализуется на конечном слоге. Покажем это на некоторых примерах: сч. нч. вч.: кез. *ужало·ды*, вч.: деб. зур. *ужалоды* 'вы будете работать'; сч. нч. вч.: кез. *кошки·зы*, вч.: деб. зур. *кошкизы* 'они ушли'; сч. нч. вч.: кез. *с'оти·мы*, вч.: деб. зур. *с'отимы* 'мы отдали'.

2. Будущее время

В севернудмуртском диалектном ареале образование и словоизменение глаголов в будущем времени полностью совпадают с подобными формами литературного языка. Утвердительная форма глаголов I спряжения будущего времени образуется посредством форманта *-о*: сев. *мон тод-о* 'я узнаю', сев. *тон тод-о-д* 'ты узнаешь', сев. *со тод-о-з* 'он узнает'. У глаголов II спряжения формантом будущего времени является суффикс *-ло*: сев. *мон йуа-ло* 'я спрошу', сев. *тон йуа-ло-д* 'ты спросишь', сев. *со йуа-ло-з* 'он спросит'. Примеры: сч.: яр. *тан' сыкалмэ кал' с'удо гинэ, собэрэ быдэс нунал чожэ мад'о*. Лек. 'Вот корову сейчас накормлю, потом в течение всего дня буду петь [для вас]'; вч.:

зур. *турыныс' чай уйлы йу но умой кӧлод*. Тур. 'Чай из трав на ночь выпей и хорошо **будешь спать**'; нч.: сл. *бэда кэз'ыт ул'чаын, кыммо·ды ина*. Пас. 'Очень холодно на улице, **замерзнете** еще'.

Отрицательные формы будущего времени образуются сочетанием основного глагола с глаголом отрицания, при этом лично-числовые показатели принимает только отрицательный глагол, а основной глагол не изменяется. В ед. числе форма основного глагола совпадает с основой инфинитива, а во мн. числе во всех лицах основной глагол, относящийся к I спряжению, имеет показатель -э, глагол II спряжения – суффикс -лэ: сев. *мон уг ба·с'ты* 'я не возьму', сев. *тон уд ба·с'ты* 'ты не возьмешь', сев. *ми ум ба·с'т-э* 'мы не возьмем', сев. *ти уд йу·а-лэ* 'вы не спросите'. Примеры: сч.: гл. *макэ тыл луиз, уд ул'зыты н'и, пожа·лой*. УКар. 'Что-то со светом случилось, **не включишь** уже, пожалуй'; нч.: кос. *йал'л'о удморт дэрэмйосын выступат' карыны вэттылим кир о вэ, бо г о р о т с кэ, у н' ийэ, кал' тан' ум но вэ·тлэ н'и*. Сиб. 'Раньше в удмуртских платьях выступать ездили в Киров, Богородское, Уни, теперь вот уже **не будем ездить**'.

Некоторая специфика глаголов будущего времени в северных диалектах наблюдается в постановке ударения в формах с суффиксами -мы, -ды, -зы. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта в указанных формах обычно акцентируется слог, предшествующий этим суффиксам. В ареале же распространения дебесского и зуринского говоров верхнечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских говоров, ударение наблюдается на конечном слоге: сч. нч. вч.: кез. *ужало·ды*, вч.: деб. зур. *ужалоды* 'вы будете работать'. Примеры: сч.: юк. *жогэн кунооссы вуо·зь*. Нел. 'Скоро их гости **прибудут**'; сч.: юк. *ку мил'эмэсть табрэ ад·зо·дь?* Нел. 'Когда нас теперь **увидите?**'; вч.: деб. *быгатскоды ти ад'амилэс' мылкыдзэ жутыны*. Тур. 'Умеете **вы** человеку настроение поднять'.

3. Прошедшее время

В исследуемых удмуртских диалектах, как и в литературном языке, в структурно-морфологическом отношении глагольные формы прошедшего времени делятся на простые и сложные.

3.1. К числу простых форм прошедшего времени относятся первое прошедшее время (претерит) и второе прошедшее время (перфект).

Парадигма **первого прошедшего времени** в северноудмуртском диалектном ареале представлена на примерах глаголов *султыны* (I спряжение) 'встать' и *араны* (II спряжение) 'жать' (табл. 3–6):

Таблица 3

I спряжение Утвердительный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>султи</i>	<i>султи</i>	<i>султи</i>	<i>султи·м(ы)</i>	<i>султи·м(ы), султимы</i>	<i>султи·м(ы)</i>
2 л.	<i>султид</i>	<i>султид</i>	<i>султид</i>	<i>султи·ды</i>	<i>султи·ды, султиды</i>	<i>султи·ды</i>
3 л.	<i>султиз</i>	<i>султиз</i>	<i>султиз</i>	<i>султи·зы</i>	<i>султи·зы, султизы</i>	<i>султи·зы</i>

Таблица 4

Отрицательный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>ӧй су·лты</i>	<i>ӧй су·лты</i>	<i>ӧй су·лты</i>	<i>ӧм су·лтэ</i>	<i>ӧм су·лтэ</i>	<i>ӧм су·лтэ</i>
2 л.	<i>ӧт су·лты</i>	<i>ӧт су·лты</i>	<i>ӧт су·лты</i>	<i>ӧт су·лтэ</i>	<i>ӧт су·лтэ</i>	<i>ӧт су·лтэ</i>
3 л.	<i>ӧс су·лты</i>	<i>ӧс су·лты</i>	<i>ӧс су·лты</i>	<i>ӧс су·лтэ</i>	<i>ӧс су·лтэ</i>	<i>ӧс су·лтэ</i>

Как показывают таблицы 3 и 5, утвердительные формы глаголов первого прошедшего времени в северноудмуртских диалектах характеризуются единообразием, не проявляя больших отличий от соответствующих форм других удмуртских диалектов. Специфика же обнаруживается в основном в

акцентуации: так в среднечепецком, нижнечепецком диалектах и в кезском говоре верхнечепецкого диалекта в глагольных формах с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* ударение наблюдается на предыдущем этим суффиксам слоге, а в дебесском и зуринском говорах верхнечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских диалектов, оно локализуется на конечном слоге. Примеры: сч.: яр. *мо с' э й гуртын мынам д'ад'аосмы вал но, д'ад'аосы мин'н'ам шутэтскыны но **пырал'л'а·зы**, ку **вэтлыли·зы** н'ин понна*. Оз. 'В деревне Мосеево у меня дядя жили, к нам и отдохнуть **захаживали** они, когда **ходили** за лыком'; вч.: деб. *сфэкрофкэ д'эдэн **будэтизы** пиналийосмэс, ми с'о ужам да ужам*. ЗМед. 'Свекровка со свекром ('дедушкой') **вырастили** наших детей, мы всё работали да работали'.

Таблица 5

**II спряжение
Утвердительный аспект**

Лицо	Ед. число			Мн. Число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>арай</i>	<i>арай</i>	<i>арай</i>	<i>ара·м(ы)</i>	<i>ара·м(ы), арамы</i>	<i>ара·м(ы)</i>
2 л.	<i>арад</i>	<i>арад</i>	<i>арад</i>	<i>ара·ды</i>	<i>ара·ды, арады</i>	<i>ара·ды</i>
3 л.	<i>араз</i>	<i>араз</i>	<i>араз</i>	<i>ара·зы</i>	<i>ара·зы, аразы</i>	<i>ара·зы</i>

Таблица 6

Отрицательный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. Число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>öй а·ра</i>	<i>öй а·ра</i>	<i>öй а·ра</i>	<i>öм а·ралэ</i>	<i>öм а·ралэ</i>	<i>öм а·ралэ</i>
2 л.	<i>öд а·ра</i>	<i>öд а·ра</i>	<i>öд а·ра</i>	<i>öд а·ралэ</i>	<i>öд а·ралэ</i>	<i>öд а·ралэ</i>
3 л.	<i>öз а·ра</i>	<i>öз а·ра</i>	<i>öз а·ра</i>	<i>öз а·ралэ</i>	<i>öз а·ралэ</i>	<i>öз а·ралэ</i>

Отрицательные формы претерита образуются сочетанием основного глагола с отрицательным. При этом лично-числовые показатели принимает отрицательный глагол, а основной глагол стоит в неспрягаемой форме. В связи со спрягаемостью отрицательного вспомогательного глагола в претерите уместно привести интересное суждение Т. Тростеруда относительно существования закономерности, согласно которой уральские языки делятся, с одной стороны, на языки с наличием прошедшего времени отрицательного вспомогательного глагола и отсутствием связки, а с другой стороны, на языки с отсутствием прошедшего времени отрицательного вспомогательного глагола и с наличием связки. С точки зрения ученого, языковой тип, характеризующийся наличием связки и отсутствием отрицательного вспомогательного глагола, представляет собой новое явление, возникшее из типа с отсутствием связки и наличием отрицательного вспомогательного глагола претерита [Trosterud 1994, 180–181].

В дополнение к приведенной гипотезе эстонский исследователь А. Кюннар, анализируя пути формирования отрицательного вспомогательного глагола в отдельных уральских языках, высказывает мысль о возможности проявления в них зачатков парадигмы претерита отрицательного глагола (вместо предполагаемых обычно его остатков) [Künnap 1994, 83–87].

К особенностям фонетического характера в парадигме отрицательного аспекта первого прошедшего времени относится то, что в северноудмуртских диалектах в глаголах I спряжения ед. числа конечный гласный основы инфинитива *-ы-* нередко выпадает при условии, если перед ним нет стечения согласных, например: сев. *öй шуд* '(я) не играл (не играла)'; сев. *öт пот* '(ты) не вышел (не вышла)'; сев. *öз йу* 'он(а) не пил(а)'. Особенно активно это наблюдается в глаголах с видовым суффиксом многократности *-л-*. Примеры: сч.: гл. *айъмъ мил'ам шугал'л'аз, трос пинал'л'ос шуъса. ул'чайэ но мил'эмдъ со öз лэ·з'ыл*. ВБог. 'Отец наш смущался оттого, что много детей. Даже на улицу нас он **не пускал**'; вч.: зур. *пот но ко·шкы, тонэ но·кин та коркан уг воз'*. Тюп. '**Выйди** и **уходи**, тебя никто в этом доме не держит'; нч.: кос. *мон нокичэ но вэш öй йу, н'экыт'ийэ но öз ви·с'ыл*. Берез. 'Я никакое и лекарство **не пила**, нигде у меня и **не болело**'.

В говорах среднечепецкого диалекта (в частности, юкаменском) отрицательные глаголы кроме *ö-овой* огласовки, свойственной большинству удмуртских диалектов, могут выступать в *э-овой* огласовке. Примеры: сч.: юк. *эй бь·гат во·врэма валаны тимэ*. Нел. ‘Не смогла я вовремя понять сына’; сч.: юк. *таиз ээ ма·кталть вэрамэз*. Пыш. ‘Этот не сообразил, о чем речь’. Аналогичное произношение форм с *э-овой* огласовкой характерно для бесермянского наречия [Тепляшина 1970, 229–230; Люкина 2016, 121–122], носители которого особенно плотно расселены в ареале распространения юкаменского говора. Поэтому вполне вероятно, что *э-овая* огласовка отрицательных глаголов в юкаменском говоре могла развиваться под влиянием речи бесермян. Заметим, что в глазовском и ярском говорах описываемого диалекта у носителей менее тесные контакты с бесермянским населением, вследствие чего альтернатива *ö ~ э* в отрицательных вспомогательных глаголах наблюдается в меньшей степени.

Что касается ударения в отрицательных формах первого прошедшего времени, то оно в североудмуртских диалектах, как и в большинстве удмуртских диалектов, падает на первый слог основного глагола.

Второе прошедшее простое время (перфект) выражает совершившееся или совершавшееся в прошлом законченное действие, имеющее результат, или действие, не имеющее продолжения в настоящем: оно было и уже в момент речи не происходит. Нередко используется оно также для обозначения действия, при котором сопутствующие моменты неизвестны. В связи с этим перфект имеет некоторый модальный оттенок неочевидности. Примеры: сч.: гл. *маль со ошкэм, мар соин луиз, нокин но вэрань уг бь·гат*. Пышк. ‘Почему он повесился, что с ним случилось, никто не может сказать’; вч.: зур. *вэд' с'у ман'этэн гинэ выл' куфайка бас'тэм пийэ*. Тюп. ‘Ведь всего за сто рублей новую фуфайку купил, оказывается, мой сын’; нч.: кос. *кыз'ы кэ чаклал'л'а·мзы врэмээз пэрэс'с'ос, шундыя, вылды*. Ас. ‘Как-то, видимо, определяли время старики, по солнцу, наверно’.

Использование перфектных форм в эвиденциальном значении, наряду с выражением временных отношений, большинством ученых [Серебренников 1960, 63; Майтинская 1979, 11; Künnap 1994a, 24 и др.] рассматривается как побочная (сопутствующая) функция перфекта. Б. А. Серебренников считал, что модальное значение неочевидности второго прошедшего времени – это результат развития более древнего перфектного значения [Серебренников 1963, 266]. Некоторое сомнение относительно данного утверждения высказывает Е. А. Цыпанов: «В целом трудно однозначно утверждать о более позднем развитии эвиденциальной семы II прошедшего времени; возможно, семантическая роль в выражении косвенной засвидетельственности в языке была заложена уже изначально. Причастия прошедшего времени на - *ём* и - *ёма* в активных значениях, легшие в основу развития II прошедшего времени изначально характеризуются неактивностью, о чем говорит широкий ареал распространения подобных глагольных времен и в восточных финно-угорских, и в тюркских языках» [Цыпанов 2005, 162].

Парадигма форм второго прошедшего времени имеет следующий вид (словоизменение представлено на примере глагола *ужаны* ‘работать, трудиться’, табл. 7, 8):

Таблица 7

Утвердительный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>ужас'кэм</i>	<i>ужас'кэм</i>	<i>ужас'кэм</i>	<i>ужас'кэ·м(мы), ужа·м(мы)</i>	<i>ужас'кэ·ммы, ужас'кэммы</i>	<i>ужас'кэ·м(мы)</i>
2 л.	<i>ужам(эд)</i>	<i>ужам</i>	<i>ужам(эд)</i>	<i>ужал'л'а·м(ды), ужа·м(ды)</i>	<i>ужал'л'ам</i>	<i>ужал'л'а·мды</i>
3 л.	<i>ужам</i>	<i>ужам</i>	<i>ужам</i>	<i>ужал'л'а·м(зы), ужа·м(зы)</i>	<i>ужал'л'ам</i>	<i>ужал'л'а·мзы</i>

Отрицательный аспект

Лицо	Ед. число			Мн. Число		
	сч.	вч.	нч.	сч.	вч.	нч.
1 л.	<i>öвöл ужас'-кэм</i>	<i>öвöл ужас'-кэм</i>	<i>öвöл ужас'-кэм</i>	<i>öвöл ужас'-кэ·ммы</i>	<i>öвöл ужас'кэ·ммы, öвöл ужас'кэммы</i>	<i>öвöл ужас'-кэ·ммы</i>
2 л.	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужал'-л'а·м(ды)</i>	<i>öвöл ужал'л'ам</i>	<i>öвöл ужал'-л'а·мды</i>
3 л.	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужам</i>	<i>öвöл ужал'-л'а·м(зы)</i>	<i>öвöл ужал'л'ам</i>	<i>öвöл ужал'-л'а·мзы</i>

Как показывает таблица спряжения, в севернудмуртских диалектах перфектный глагол в утвердительном аспекте во 2-м и 3-м лице мн. числа имеет два варианта: *ужал'л'а·м(ды)* и *ужа·м(ды)*, *ужал'л'а·м(зы)* и *ужа·м(зы)*, – употребление которых не представляет единства в диалектах северного ареала. В среднечепецком диалекте отмечается функционирование обеих форм – с *-л'л'а-* и без него. Для верхнечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерно употребление форм с *-л'л'а-*. Наличие двух указанных форм перфекта (с показателем *-л'л'а-* и без него) связано с историей его формирования в удмуртском языке. Считается, что перфект оформился как самостоятельное время в общепермский период [Bartens 2000, 202; Цыпанов 2005, 258]. В пермских языках он развился на основе *-м-овых* причастных форм, где признак *м* восходит к общеуральскому словообразовательному суффиксу **-м* [Майтинская 1979, 47; Цыпанов 2005, 258]. Что касается перфектных форм 2-го и 3-го лица мн. числа типа *ужал'л'а·м(ды)*, *ужал'л'а·м(зы)*, то они осложнены суффиксом *-л'л'-*, возникшим из сочетания *-лй-* суффиксов многократности *-л* и *-й*: *лй > л'л'* [Uotila 1933, 389; Серебренников 1963, 264].

Наличие в удмуртском языке, в изучаемых диалектах в частности, вариантной формы с *-с'к-* в 1-м лице ед. и мн. числа, по мнению Б. А. Серебренникова [Серебренников 1963, 280], объясняется влиянием формы 1-го лица ед. числа настоящего времени.

В севернудмуртских диалектах, как показывает парадигма спряжения, в утвердительном аспекте перфектный глагол в 3-м лице ед. числа употребляется без личных формантов. Это явление наблюдается в бесермянском наречии [Люкина 2016, 122], а также в срединных [Бушмакин 1971, 296–297] и в некоторых южноудмуртских говорах [Кельмаков 1977, 50; Атаманов 2005, 186].

Некоторая специфика северных диалектов обнаруживается в оформлении 2-го лица ед. числа, а также 2-го и 3-го лица мн. числа перфекта. В говорах верхнечепецкого диалекта, как и в соседних средневосточных [Бушмакин 1971: 296], перфектный глагол в указанных формах, как правило, употребляется без личных формантов. В нижнечепецких говорах во 2-м лице ед. числа отмечается факкультативное употребление личных и безличных форм, а во 2-м и 3-м лице мн. числа – функционирование только личных форм. В отличие от этого, в говорах среднечепецкого диалекта указанные формы второго прошедшего времени могут выступать и с личными показателями, и без них, причем более регулярны, по нашим данным, формы без личных формантов. Примеры: сч.: юк. *гурта·мь ко·т'ку ик удмуртйос улъл'л'ам, шуо*. Кыч. 'В нашей деревне всегда удмурты **жили, говорят**'; сч.: гл. *тон бöрдэм, оло?* Пон. 'Ты **плакал** что ли?'; сч.: гл. *пинал'л'осыз, пэ, жöг нуыл'л'а·мзы мамзэс бол'н'и·цйэй карэ*. Кач. 'Дети, мол, быстро **увезли** маму свою в больницу в Глазов'; вч.: деб. *соос гуртазы кон'донзэс вунэтил'л'ам*. ЗМед. 'Они дома, **оказывается**, деньги **забыли**'; нч.: сл. *мумиз но, айиз но кошкыл'л'а·мзы ужэ*. Ом. 'И мама, и отец его **ушли, оказывается**, на работу'. Показателен в употреблении личных и безличных форм перфекта материал из публикаций Ю. Вихманна [Wichmann 1893; 1901], где в текстах по глазовскому диалекту, избоблюющих примерами употребления данного времени, оформление его лично-числовыми суффиксами в указанных формах обнаруживается всего лишь дважды: *kuke atas t'sortem, soku vozojos no vit'sak bîrî!l'a·mzî* [Wichmann 1901, 134] 'Когда петух закукарекал, тогда и вожо все **исчезли**'; *jultošlen kalîkez jua!l'a·mzî, džo-g-a liktoz ni sooslen saldatsî* [тж., 134] 'Родственники ('народ') приятеля **спросили**, скоро ли вернется уже их солдат'. Следует отметить, что в бесермянском наречии [Люкина 2016, 122], в южноудмуртских [Кельмаков 1977, 50; Насибуллин 1978, 101; Атаманов 2005, 186] и среднезападных говорах перфектные формы 2-го лица ед. числа и 2-го, 3-го лица мн. числа употребляются с личными формантами.

Анализируемый материал показывает, что в северноудмуртских диалектах (преимущественно в среднечепецком и верхнечепецком) перфектный глагол в первом плюсквамперфекте имеет тенденцию более последовательного употребления без личных формантов. Е. А. Цыпанов, опираясь на диалектные данные коми и удмуртского языков, полагает, что развитие личной суффиксации в перфекте может представлять собой более позднее явление [Цыпанов 2005, 161].

Отрицательные формы второго прошедшего времени (см. таблицу 8) во всех северноудмуртских диалектах образуются аналитическим способом: сочетанием отрицания *öwöl* 'не, нет' с формой основного глагола. В указанных диалектах для перфектных форм 2-го и 3-го лица мн. числа характерно наличие суффикса *-л'л'а*. В говорах верхнечепецкого диалекта, как и в соседних средневосточных говорах [Бушмакин 1971, 296], перфектный глагол в данных формах, как правило, употребляется без личных формантов. Для нижнечепецкого диалекта характерно функционирование перфектных форм с личными показателями. В отличие от этого, в ареале распространения среднечепецкого диалекта указанные формы второго прошедшего времени могут выступать и с личными показателями, и без них, причем формы без личных формантов встречаются намного чаще. Примеры: сч.: яр. *айи куйн' война пыр потэмын. но öwöl кыз'ы кэ б'рэм айи*. Оз. 'Отец мой через три войны прошел. Но как-то **не погиб** отец мой'; сч.: гл. *пэймыт шуса, öй н'и мын соосн'э, а соос öwöl из'ил'л'а-мзы на*. УКар. 'Из-за того что темно, не пошла уже я к ним домой, а они еще, **оказывается, не спали**'; вч.: зур. *ти но öwöl мынил'л'ам кунойэ то-жо, мил'ам но макэ настройэ-н'йэмы öй вал*. ОИр. 'И вы **не пошли, оказывается**, в гости тоже, и у нас почему-то настроения не было'; нч.: сл. *турун дас'тыны öwöl лыктыл'л'а-мзы кэйюсыз*. ВМоч. 'На заготовку сена **не приехали, оказывается**, ее снохи'.

Отметим, что отрицательный аспект перфекта в южных говорах [Кельмаков 1977, 50; 1998, 152; Насибуллин 1978, 101; Атаманов 2005, 186] и в некоторой части срединных говоров (в частности, среднезападных) образуется синтетическим способом: присоединением суффикса *-тэ* к глаголам на *-м*. В бесермянском наречии, по данным Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1970, 232] и Н. М. Люкиной [Люкина 2016, 123], наличествуют оба варианта образования отрицательной формы второго прошедшего времени: и синтетический, и аналитический способы.

3.2. Аналитические формы прошедшего времени

В северноудмуртских диалектах, как и в удмуртском языке в целом, аналитические формы прошедшего времени образуются сочетанием спрягаемого смыслового глагола в настоящем, прошедшем и будущем временах с неизменяемыми служебными глаголами *вал* 'был(а)' и *вылэм* 'был(а), оказывается', употребляющимися в постпозиции к основному глаголу. Эту модель образования аналитической формы прошедшего времени в уралоистике принято именовать «восточным» типом [Майтинская 1979, 58; Künnap 1992, 172], который характерен также для коми, марийского и венгерского языков. «Восточный» тип напоминает соответствующую модель тюркских языков в следовании служебного глагола за основным, но не в отношении спрягаемости этих глаголов: так, в тюркских языках изменяется вспомогательный глагол, а основной стоит в неспрягаемой форме [Künnap 1992, 176–177]. Возникновение данной модели в финно-угорских языках большинство исследователей связывают с тюркским влиянием [Серебренников 1960, 109–133; 1963, 268–269; Майтинская 1979, 58 и др.]. Подобная интерпретация некоторыми лингвистами [Künnap 1992, 173–179; Цыпанов 2005, 100–101] ставится под сомнение. В частности, А. Кюннап, анализируя аналитические формы прошедшего времени в уральских языках, делает акцент на том, что восточная модель свойственна и северносамодийским языкам, которые с тюркскими никогда не имели контактов. Ученый обратил внимание также на несовпадение в структуре аналитических форм: в тюркских языках связка также следует за основным глаголом, изменяется, но основной глагол не спрягается; в восточных же финно-угорских языках, напротив: основной глагол спрягается, а связка остается неизменяемой. Это наводит исследователя на мысль, что возникновение восточной модели аналитических форм прошедшего времени нельзя связывать только со сравнительно поздним влиянием тюркских языков. Ученый допускает, что данный тип аналитических прошедших времен представляет собой древнее уральское явление [Künnap 1992, 173–179]. Коми исследователь Е. А. Цыпанов тоже поддерживает мысль об исконности аналитических прошедших времен глагола, отмечая, что материал коми языка не дает повода для однозначного согласия с положением о развитии аналитических прошедших времен под влиянием тюркских языков, «т. к. коми язык никогда не имел каких-либо интенсивных контактов с тюркскими языками» [Цыпанов 2005, 100].

Собранный диалектный материал демонстрирует, что из сложных прошедших времен в севернoudмуртских диалектах функционируют следующие: первый плюсквамперфект, второй плюсквамперфект, прошедшее многократное, прошедшее длительное, прошедшее длительное абсентива, прошедшее многократное абсентива, первый плюсквамперфект абсентива.

Первый плюсквамперфект (первое преждепрошедшее время) образуется сочетанием форм простого второго прошедшего времени спрягаемого глагола со служебным глаголом *вал*. Основная семантика данного времени заключается в выражении действия, которое происходило и завершилось до начала другого действия, например: сч.: юк. *огэс пийэ учит'эл'э дъшитскэм вал, кал' нош къциць кэ ьсти·зь*. ВУн. 'Один из моих сыновей на учителя **учился** ('**учился было**'), сейчас снова куда-то направили [учиться]'; вч.: деб. *нылзы уг ды·шитскы шуса, тодыл'л'ам вал с'эмйазы но, папсы но д э б э с э вэтлиз вал*. Тол. 'Что дочь их не учится, **знала** ('**знала было**') их семья, даже их отец в Дебёсы ездил было'. Первый плюсквамперфект может обозначать также действие, завершившееся когда-то в прошлом, часто без указания момента его совершения: вч.: кез. *тодматскэм вал мон пэ·рвой хоз'айкэным на д а л н' э м в о с т о кэ*. Тор. 'Познакомился ('**познакомился было**') я с первой женой на Дальнем Востоке'. Первый плюсквамперфект употребляется и в тех случаях, когда другого прошедшего времени нет и не подразумевается: сч.: яр. *та учырээ мон кинлэс' кэ кылэм вал*. Ел. 'Об этом случае я от кого-то **слышал** ('**слышал было**')'.

В северных диалектах парадигма спряжения основного глагола в первом плюсквамперфекте совпадает со словоизменением глагола в перфекте (см. табл. 7, 8), поэтому нет необходимости приводить отдельную таблицу.

Второй плюсквамперфект (второе преждепрошедшее время) образуется из форм первого прошедшего времени (претерита) и служебного глагола *вал*. Данное время, как и первый плюсквамперфект, может выражать действие, происходившее до другого действия или до момента речи: сч.: гл. *нълъз одигээ бъз'из вал б о г а т ь р к айэ. отън со кал' но улэ*. ВБог. 'Одна из ее дочерей **вышла замуж** ('**вышла было замуж**') в Верхнюю Богатырку. Там она и сейчас живет'. Второй плюсквамперфект нередко содержит указание на момент совершения действия: вч.: зур. *ал'и гинэ сос'эдэ турназ вал огородмэ*. ОИр. 'Только что сосед мой **скосил** ('**скосил было**') огород мой'; нч.: кос. *с'эмид'эс'а·той·вос'мид'эс'а·той годйосы цэнтрал'изоват' карыны турски·зы вал д'эрэвн'аосты, а табрэ улъытоно, шуо, пöчи гурт'т'осты*. ВМоч. 'В семидесятые-восьмидесятые годы **старались** ('**старались было**') укрупнять деревни, а теперь, говорят, надо восстанавливать маленькие деревни'.

Как свидетельствуют примеры, первый и второй плюсквамперфект по выражаемым значениям близки друг другу, в связи с чем они взаимозаменяемы.

В севернoudмуртских диалектах спряжение глаголов основного глагола во втором плюсквамперфекте совпадает со словоизменением глагола в первом прошедшем времени (см. табл. 3–6).

Прошедшее многократное время образуется из форм будущего времени, к которым прибавляется вспомогательный компонент *вал*. Наиболее распространенным является употребление данного времени для выражения обычных, повторяющихся действий, имевших место в прошлом. Примеры: сч.: яр. *ми, нъл'л'ос, л'укас'кыса мыном вал д'эрэвн'аыс' д'эрэвн'айэ*. Ел. 'Мы, девушки, собравшись, **ходили** ('**пойдем бывало**') из деревни в деревню'; сч.: юк. *нуналаз кэн'а пол мон лъктыло вал фэр·маьс' дорам*. Ер. 'За день сколько раз я **ходила** ('**ходила бывало**') из фермы домой'; нч.: сл. *зöк базар луоз вал у н' иын*. Сиб. 'Большой базар **бывал** ('**будет бывало**') в Унях'.

А. А. Алашеева, описывая временную систему верхнечепецкого диалекта, отмечает отсутствие в нем прошедшего многократного времени [Алашеева 2002, 113]. Собранный нами материал не подтверждает данное высказывание: в говорах верхнечепецкого диалекта, хотя и в небольшом количестве, формы указанного времени зафиксированы, что свидетельствует о его реальном функционировании. Примеры: вч.: кез. *картошкайэн с'ис'кыса, талонэн пöчи гинэ н'ан' с'ото·зы вал но, оз' с'ис'кыса ужал'л'ам ук. и то но·рма тырмытны заста·вит' каро·зы вал ук*. НУн. 'Питались картошкой, на талон немного хлеба давали ('**дадут бывало**'), и, так питаюсь, ведь работали. И то норму **заставляли** ('**заставят бывало**') ведь выполнять'; вч.: деб. *сил'эн, чорыгэн вускарозы вал т ы л о в а йын. ко·т'кычэ вуз нуозы вал отын*. ЗМед. 'Мясом, рыбой **торговали** ('**будут торговать бывало**') в Тыловае. Всякий товар **привозили** ('**повезут бывало**') туда ('там')'.

В северных диалектах нами выявлены примеры функционирования прошедшего многократного времени в форме 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа. Следует отметить, что рассматриваемое время в диалектах севернoudмуртского ареала наиболее редко употребляемое из аналитических прошедших

времен. По основной семантике прошедшее многократное время очень близко к прошедшему длительному времени и первому прошедшему времени, однако в речи в целом, как свидетельствует диалектный материал, предпочтительны глаголы в формах прошедшего длительного времени (чаще) и первого прошедшего времени (реже).

В удмуртском литературном языке, как отмечает Б. Ш. Загуляева, употребительны лишь формы 3-го лица ед. и мн. числа. Как продолжает исследователь, ввиду крайне редкого употребления прошедшее многократное время находится практически на грани исчезновения [Загуляева 1986, 68]. В кукморском говоре периферийно-южного диалекта также выявлены только формы 3-го лица ед. и мн. числа данного времени [Кельмаков 1970, 391]. В коми языке прошедшее многократное время употребляется регулярно, но формальная выраженность его также лишь в 3-м лице [Цыпанов 2005, 175].

В северных диалектах спряжение глаголов прошедшего многократного времени не отличается от удмуртского литературного языка. Некоторая специфика наблюдается в области акцентуации: в среднечепецком, нижнечепецком диалектах и в кезском говоре верхнечепецкого диалекта в утвердительной форме в личных глагольных формах с суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* ударение локализуется на предшествующем этим суффиксам слоге; в дебесском и зуринском говорах верхнечепецкого диалекта оно падает на конечный слог. В отрицательных формах, подобно другим удмуртским диалектам, ударение отмечается на первом слоге основного глагола.

Прошедшее длительное время образуется сочетанием спрягаемой формы основного глагола в настоящем времени с неизменяемым вспомогательным глаголом *вал*. В северноудмуртском языковом ареале, согласно нашим полевым материалам, данное прошедшее время наиболее употребительно из всех аналитических прошедших времен. Основное значение прошедшего длительного времени заключается в выражении продолжительного действия в прошлом, не ограниченное какими-либо рамками. Примеры: сч.: гл. *подру-гайэ кал' лъктэмън с в э р л о в с къс' . ми сойин потас'ком вал шу-дон'н'э*. Гул. 'Моя подруга сейчас приехала из Свердловска. Мы с ней **ходили** ('**ходим бывало**') на игрища'; вч.: зур. *ка-ждой нунал муми мынэ вал фэрмэ*. Тюп. 'Каждое утро моя мама **ходила** ('**идет бывало**') на ферму'.

Глагол в форме прошедшего длительного времени употребляется в предложении и в тех случаях, когда за одним действием следует другое, вытекающее из первого. Примеры: сч.: бал. *луд вылэ пото вал гырыны усийэн, гэрийэн. курэкуз потто вал. быдэс гуртэн лудэ пото вал. бõрыс' йуыса вэтло н'и вал коркас' корка. а йэгит, нылкалык вал вылын ворттылыса вэтло вал*. Уш. 'На поле **выходили** ('**выходят бывало**') пахать с бороной, плугом. Яйца **приносили** ('**приносят бывало**'). И всей деревней на поле **выходили** ('**выходят бывало**'). Затем, угощаясь, **ходили** ('**ходят бывало**') уже из дома в дом. А парни, девушки верхом на лошадях **катались** ('**катаются бывало**')'; вч.: кез. *тин' д'эдмы кулиз, солэн коз'айкээз с'о мад'ылылэ вал помэн'кайын. бэн ми но сойин чош кырзал'л'ас'ко-мы вал*. Сыг. 'Вот дед у нас умер, его жена всё время **пела** ('**поет бывало**') на поминках. Да и мы вместе с ней **пели** ('**поем бывало**')'.

Прошедшее длительное время может выражать действие, противоположное по своему характеру другому действию. Примеры: сч.: гл. *с'уз'ым-т'амүс арэсийэмэс' бõрс'үс' пиналийос уз'йанү, пэ, кур'ус'ко вал но, мамзү өвёл лэз'эм*. От. 'Семи-восьмилетние дети-погодки землянику-де собирать **просились** ('**просятся было**'), но мать их не отпустила'; сч.: гл. *с'о-таки д'эрэвн'айён с'ийон-йуон шэд'э вал, а городён война бэрэ с'ийон понна с'экът вал*. ВПар. [Кельмаков 1981, 41] 'Всё же в деревне еда имела ('**имеется было**'), а в городе после войны с едой было трудно'.

Формы прошедшего длительного времени широко употребительны в устной речи: особенно активно они используются рассказчиками в воспоминаниях о различных случаях, событиях и фактах, имевших место в прошлом.

Из **абсентивных форм** прошедшего времени широко употребляется **прошедшее длительное время**, которое образуется сочетанием форм настоящего времени спрягаемого глагола и служебного глагола *вылэм*. На основании анализа диалектного материала можно заключить, что глаголы в формах данного времени выражают ту же семантику, что и соответствующие неабсентивные формы, но с тем отличием, что во всех значениях абсентивной формы наличествует сема эвиденциальности. Примеры: сч.: гл. *вагонын н'эасла-мской солдатийос мыно вылэм*. Кур. 'В вагоне ненашенские солдаты **ехали** ('**едут было**'), **оказывается**'; сч.: юк. *кукэ но, пэ, кэмалас' гурта-мь коркаосъз с'ло вылэм к ь ч о н к а шуль үамэн*. Кыч. 'Когда-то, мол, давно дома в нашей деревне **стояли** ('**стоят было**'), **оказывается**, поперек реке Кыченка'; сч.: гл. *городыс' купэцийос воз'ыло вылэм да-ча, отын ужало*

вылэм соос. ВСл. 'Купцы из города держали ('держат бывало'), видимо, дачи, там работали ('работают бывало'), видимо, они'.

Формы первого плюсквамперфекта абсентива и прошедшего многократного абсентива в диалектах севернoudмуртского ареала употребляются сравнительно редко. Приведем некоторые примеры на указанные времена: 1) первый плюсквамперфект абсентива (форма перфекта + вспомогательный глагол *вылэм*): сч.: юк. *ти с'арьс' о л' о ш кълэм вълэм н'и*. Пыш. 'О вас Алеша слышал ('слышал было'), оказывается, уже'; вч.: кез. *войналэс' ўал'л'о гуртамы лыктэм вълэм старик. ужас', кибашлы вълэм*. СГыя 'До войны в деревню нашу прибыл ('прибыл было'), оказывается, старик. Работящий, мастеровой был, оказывается'; 2) прошедшее многократное абсентива (форма будущего времени спрягаемого глагола + вспомогательный глагол *вылэм*): сч.: гл. *ўал'л'о с'уанэ валэн мнозь вълэм*. УКар. 'Раньше на свадьбу на лошадях ездили ('поедут бывало'), оказывается'; вч.: кез. *аз'ло салдатийэз армияэ быдэс дэрэвн'эн кэл'ало'зы вълэм*. Уд. 'Раньше призывника в армию всей деревней провожали ('проводят бывало'), оказывается'.

Относительно редкое употребление абсентивных форм прошедшего времени в исследуемых диалектах, по-видимому, обусловлено функциональной особенностью этих времен: они используются для выражения неочевидности действия и имеют место только тогда, когда говорящий, констатирующий результат действия, сам не был его очевидцем. Кроме фактора эвиденциальности, в выборе конкретных форм времени большую роль играет и фактор уверенности, доверительности, несомненности. Парадигма спряжения основных глаголов в абсентивных прошедших временах не отличается от таковой неабсентивных времен.

Как свидетельствует собранный языковой материал, в севернoudмуртских диалектах наиболее употребительны из рассмотренных выше аналитических прошедших времен прошедшее длительное, первый плюсквамперфект, второй плюсквамперфект и прошедшее длительное абсентива.

Таким образом, грамматическая форма времени глагола севернoudмуртских диалектов по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с системой общенационального удмуртского языка. Различительные признаки морфонологического характера наблюдаются в плане выражения отдельных форм (в частности, форм настоящего времени), что обусловлено действующими в северных диалектах фонетическими законами. Определенные междиалектные различия выявляются в формах словоизменения (например, варьирующая по северным диалектным микросистемам парадигма модального перфекта в положительном аспекте). Некоторая особенность северных диалектов проявляется в образовании отрицательных форм перфекта: в описываемых диалектах он образуется аналитически, тогда как в южных и большинстве срединных говоров – синтетически. В диалектах исследуемого языкового ареала специфика акцентуационного характера отмечается в глагольных формах с суффиксами *-мы, -ды, -зы*. Анализ языкового материала позволяет заключить, что в системе грамматической категории времени севернoudмуртского глагола определенные изменения обусловлены и внутрисистемным развитием, и внешними, экстралингвистическими факторами языкового эволюционирования.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) удмуртские диалекты и говоры: *бал.* – бalezинский говор среднечепецкого диалекта; *вч.* – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; *гл.* – глазовский говор среднечепецкого диалекта; *деб.* – дебесский говор верхнечепецкого диалекта; *зур.* – зуринский говор верхнечепецкого диалекта; *кез.* – кезский говор верхнечепецкого диалекта; *кос.* – косинский говор нижнечепецкого диалекта; *нч.* – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; *сев.* – северное наречие удмуртского языка; *сл.* – слободской говор нижнечепецкого диалекта; *сч.* – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; *юк.* – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; *яр.* – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населенные пункты по севернoudмуртским диалектам:

верхнечепецкий диалект:

Удмуртская Республика: ЗМед. – д. Заречная Медла, Дебесский р-н; НУн. – д. Новый Унтем, Кезский р-н; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский р-н; СГыя – д. Старая Гыя, Кезский р-н; Сыг. – д. Сыга, Кезский р-н; Тол. – д. Тольён, Дебесский р-н; Тор. – д. Тортым, Кезский р-н; Тур. – д. Турел, Игринский р-н; Тюп. – д. Тюптиево, Игринский р-н; Тыш. – д. Тышур, Игринский р-н; Уд. – д. Удино, Кезский р-н; Юр. – д. Юрук, Кезский р-н;

среднечепецкий диалект:

Удмуртская Республика: ВБог. – д. Верхняя Богатырка, Глазовский р-н; ВПар. – с. Верхние Парзи, Глазовский р-н; ВСл. – д. Верхняя Слудка, Глазовский р-н; ВУн. – д. Верх-Уни, Юкаменский р-н; Гул. – д. Гулеково, Глазовский р-н; Ел. – с. Елово, Ярский р-н; Ер. – д. Ертем, Юкаменский р-н; Кач. – д. Качкашур,

Глазовский р-н; Кур. – д. Курегово, Глазовский р-н; Кыч. – д. Кычён, Юкаменский р-н; Лек. – д. Лекшур, Ярский р-н; Нел. – д. Ново-Елово, Юкаменский р-н; Оз. – д. Озерки, Ярский р-н; От. – д. Отогурт, Глазовский р-н; Пон. – с. Понино, Глазовский р-н; Пыш. – с. Пышкет, Юкаменский р-н; Пышк. – д. Пышкец, Глазовский р-н; УКар. – д. Удмуртский Караул, Красногорский р-н; Уш. – д. Ушур, Бalezинский р-н;

нижнечепецкий диалект:

Кировская область: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Слободской р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паслоково, Слободской р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А.* Особенности спряжения глаголов в верхнечепецком говоре // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2002. С. 108–113.
- Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсугурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов-Ээрати М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
- Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + 350 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 372 с.
- Загуляева Б. Ш.* Некоторые черты глагольных форм прикильмезских говоров // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 59–64.
- Загуляева Б. Ш.* Прошедшее длительное и прошедшее многократное время глаголов в удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 62–70.
- Каракулова М. К., Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Издательский дом «Удм. ун-т», 2001. 226 с.
- Карнова Л. [Л.]* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
- Карнова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- Карнова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
- Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. XXX + 475 + [Приложение] 175 с.
- Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
- Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
- Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.
- Серебреников Б. А.* О действительном количестве глагольных времен в удмуртском языке // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 93–102.
- Серебреников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 300 с.
- Серебреников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
- Тараканов И. В.* Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 95–136.
- Тараканов И. В.* Аналитические глагольные образования в удмуртском языке // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2013. Вып. 2. С. 3–7.
- Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 196–223.
- Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Ушаков Г. А.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.
- Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.
- Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu, 238).
- Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 s.

Cyranov Je. Analyyttisten aikamuotojen systeemi koin kielessä // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7–13.8. 2000. Tartu, 2001. P. VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. S. 321–324.

Künnap A. On the Analytical Past Tense Forms in the Uralic Languages // Linguistica Uralica. 1992. Vol. 28. Issue 3. P. 173–179.

Künnap A. On the Past Tense of the Negative Auxiliary in the Uralic Languages. Minor Uralic Languages: Structure and Development. Tartu, 1994. P. 83–87.

Künnap A. On the Uralic Indirectal // Ural Altaische Jahrbuch. Wiesbaden, 1994a. Bd. 13. P. 18–27.

Trosterud T. Saamen ja itamerensuomen apuverbit, kieltoverbi ja sanajarjestys // Minor Uralic Languages: Structure and Development. Tartu, 1994. P. 180–181.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 s. (= MSFOu, 65).

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 s. (= JSFOu, 11).

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (= JSFOu, 19).

Поступила в редакцию 18.03.2020

Карпова Людмила Леонидовна,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)

E-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

IMPLEMENTATION OF THE CATEGORY OF THE TENSE OF THE VERB IN THE NORTHERN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213

This paper explores the functioning of tense forms of verb in the Northern dialects of the Udmurt language, which have insufficient coverage in scientific literature. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive research of the category of the tense in the context of territorial varieties of Udmurt language. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Northern Udmurt. The paper highlights specific features of the Northern Udmurt dialects on the one hand and features with limited diffusion in certain microsystems of studied dialects on the other. Consistent comparison of the language facts of Northern Udmurt dialects with similar phenomena in other dialects of Udmurt is made. The study demonstrates that in the studied dialects the verb tenses in their substantial and structural characteristics largely coincide with the system of the Udmurt literary language. Dialectal peculiarities are revealed in derivation, paradigms of conjugation, distribution and semantics of the use of separate tense forms. Distinctive features of the morphological character are observed in terms of the expression of individual forms of the present tense, which is due to the phonetic laws existing in the Northern dialects. Certain intra-dialect peculiarities are revealed in the forms of inflection (for example, the paradigm of modal perfection in a positive aspect varying in the Northern dialects). The paper deals with quantitative composition and peculiarities of derivation of analytical past tense forms in the Northern dialects of the Udmurt language. The main attention is paid to the most widely spread analytical forms of past tenses. Structural and semantic features of functioning of considered forms in Northern dialects are noted. The study has identified dialectal differences in the accentuation in verb forms with the suffixes *-my, -dy, -zy*.

Keywords: Udmurt language; Northern dialects; grammar system; dialectal morphology; verb; category of Tense; tenses of the verb; formation; inflection; formants; semantics; dialectal variation

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 199–213. In Russian.

REFERENCES

Alasheeva A. A. Osobennosti spryazheniya glagolov v verkhnechepetskom govore [Peculiarities of conjugation of verbs in the Upper Chepsta dialect]. *Permistika [1]: Voprosy permskoi i finno-ugorskoj filologii*. [Permistika [1]: Issues of Permian and Finno-Ugric philology]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2002, pp. 108–113. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyugurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyugurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.

Atamanov M. G. *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 248 p. In Russian.

Atamanov-Ehgrapi M. G. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2010. 576 p. In Russian.

Bushmakin S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk; Moscow, 1971. 397 + 350 p. In Russian.

Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya [Grammar of the contemporary Udmurt language: Phonetics and morphology]. Izhevsk, 1962. 376 p. In Russian.

Zagulyaeva B. Sh. *Nekotorye cherty glagol'nykh form prikil'mezskikh govorov* [Some features of the verb forms of the Kilmez subdialects // *O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya* [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978, pp. 59–64. In Russian.

Zagulyaeva B. Sh. *Proshedshee dlitel'noe i proshedshee mnogokratnoe vremya glagolov v udmurtskom yazyke* [The Past Progressive and Past Continuous Tenses of verbs in the Udmurt language] *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo yazyka* [Issues of phonetics and grammar of the Udmurt language]. Ustinov: Udmurtiya Publ., 1986, pp. 62–70. In Russian.

Karakulova M. K., Karakulov B. I. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazykov* [Comparative grammar of Russian and Udmurt languages]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2001. 226 p. In Russian.

Karpova L. [L.] *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.

Karpova L. L. *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Russian.

Karpova L. L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: srednechepetskiy dialekt* [The lexicon of the Northern dialects of the Udmurt language: the Middle Chepts dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka* [Kukmor dialect of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. XXX + 475 + 175 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. 1* [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect]. *Voprosy udmurtskoi dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977, pp. 26–61. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obraztsy udmurtskoi rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech: Northern dialects and Middle subdialects]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981. 299 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk, 2016. 200 p. In Russian.

Maitinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. In Russian.

Nasibullin P. Sh. *Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov* [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts]. *O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya* [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978, pp. 86–151. In Russian.

Serebrennikov B. A. *O deistvitel'nom kolichestve glagol'nykh vremen v udmurtskom yazyke* [On the actual number of verb tenses in the Udmurt language] *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1959. Issue 19, pp. 93–102. In Russian.

Serebrennikov B. A. *Kategoriya vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp* [The category of Tense and Aspect in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. Moscow, 1960. 300 p. In Russian.

Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1963. 392 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Iz nablyudeniya nad osobennostyami srednezapadnykh govorov sredinnogo dialekta udmurtskogo yazyka* [From the observations on the features of the Middle-Western subdialects of the Middle Udmurt dialect]. *Tarakanov I. V. Issledovaniya i razmyshleniya ob udmurtskom yazyke* [Studies and reflections on the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1998, pp. 200–204. In Russian.

Tarakanov I. V. *Analiticheskie glagol'nye obrazovaniya v udmurtskom yazyke* [Analytical verb formations in the Udmurt language] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [The Bulletin of Udmurt university. History and philology]. 2013, Issue 2, pp. 3–7. In Russian.

Ushakov G. A. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazykov* [Comparative grammar of Russian and Udmurt languages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1982. 144 p. In Russian.

Tepliyashina T. I. *Yazyk besermyan* [The Besermyan language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

Tsypanov E. A. *Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke* [Grammatical categories of verb in the Komi language]. Syktyvkar, 2005. 284 s. In Russian.

Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238). (in Finnish).

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S. In German.

Супанов Je. Analyyttisten aikamuotojen systeemi komin kielessä. Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7–13.8. 2000. Tartu, 2001. P. VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. S. 321–324. In Finnish.

Künnap A. On the Analytical Past Tense Forms in the Uralic Languages. *Linguistica Uralica*. 1992. Vol. 28. Issue 3, pp. 173–179. In English.

Künnap A. On the Past Tense of the Negative Auxiliary in the Uralic Languages. *Minor Uralic Languages: Structure and Development*. Tartu, 1994, pp. 83–87. In English.

Künnap A. On the Uralic Indirectal // *Ural Altaische Jahrbuch*. Wiesbaden, 1994a. Bd. 13. Wiesbaden, 1994a. Vol. 13, pp. 18–27. In English.

Trosterud T. Saamen ja itamerensuomen apuverbit, kieltoverbi ja sanajarjestys. *Minor Uralic Languages: Structure and Development*. Tartu, 1994, pp. 180–181. In Finnish.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65). In German.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (= JSFOu 11). In German.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (= JSFOu 19). In German.

Received 18.03.2020

Karpova Ludmila Leonidovna,

Doctor of Philology, Senior Research Associate

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russian Federation, 426067

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, 426034, Russian Federation,

E-mail: karpovalud@rambler.ru